

Классики
и Мора

Классик
юмора

Аркадий Аверченко

Чудеса в решете

ЭКСМО
2014
Москва

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 19

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Аверченко А. Т.

А 19 Чудеса в решетке / Аркадий Аверченко. — М. :
Эксмо, 2014. — 448 с. — (Классики юмора).

ISBN 978-5-699-71989-1

Аркадий Аверченко (1881—1925) — замечательный русский писатель-юморист, подлинное мастерство которого сразу покорило его современников, не случайно присвоивших ему титулы «Короля смеха» и «Рыцаря улыбок». Писатель Аверченко расписывает анекдотическую ситуацию, утрируя и доводя ее до полнейшего абсурда, — и дарит читателю здоровый очистительный смех. Главная тема писателя до революции — пороки человеческой природы, а после революции — противопоставление образов старой и новой России. В книгу включены известные сборники рассказов «Чудеса в решетке», «Нечистая сила», знаменитая сатирическая книга — «Дюжина ножей в спину революции» и увлекательная «Экспедиция в Западную Европу сатириковцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова».

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71989-1

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Чугеса в пешеме

Отдел I

Чудеса в решетке

Эхо церкви Феличе

Однажды летним вечером мы с приятелем сидели за столиком в саду и, попивая теплое красное вино, глазели на открытую сцену.

Дождь, упорно стучавший по крыше веранды, на которой мы сидели; необозримое снежное поле не занятое никем белых столиков; ряд самых замысловатых «номеров», демонстрировавшихся на открытой сцене; и, наконец, живительное теплое бордоское — все это настраивало нашу беседу на самый глубокомысленный, философический лад.

Прихлебывая вино, мы дружно цеплялись за каждое пустяковое обычное явление окружающей нас жизни и тут же, сблизив носы, принимались его рассматривать самым внимательным образом.

— Откуда берутся акробаты? — спросил мой приятель, поглядывая на человека, который только что уперся рукой в голову своего партнера и немедленно же поднял вверх ногами все свое затянутое в лиловое трико тело. — Ведь просто так, зря, они же акробатами не делаются. Почему, например, ты не акробат или я не акробат?

— Мне акробатом быть нельзя, — резонно возразил я. — Мне рассказы нужно писать. А вот почему ты не акробат — я не знаю.

— Да я и не знаю, — простодушно подтвердил он. — Просто не приходило в голову. Ведь, когда в юности предназначаешь себя к чему-нибудь, то акробатическая карьера как-то не приходит в голову.

— А вот им же — пришла в голову?

— Да. Действительно это странно. Так иногда хочется пойти за кулисы к акробату и расспросить его — как это ему вздумалось сделать карьерой ежевечернее влезание на голову своему ближнему.

Дождь барабанил по крыше веранды, официанты дремали у стен, мы тихо беседовали, а в это время на сцене уже появился «человек-лягушка». Был он в зеленом костюме с желтым лягушечьим брюхом и даже с картонной лягушечьей головой. Прыгал, как лягушка, — и, вообще, ничем от обыкновенной лягушки, кроме размера, не отличался.

— Вот возьми — человек-лягушка. Сколько их, таких «человеков — чего-нибудь» бродит по свету: человек-страус, человек-змея, человек-рыба, человек-каучук. Спрашивается: как всякий такой человек мог добраться до решения — сделаться человеком-лягушкой? Осенила ли его эта мысль сразу, когда он мирно сидел на берегу тинистого пруда, наблюдая действия просто-лягушек... Или эта мысль постепенно, исподволь росла в нем и крепла.

— Я думаю — сразу. Осенило.

— А, может быть, у него с детства было стремление к лягушечьей жизни и только влияние родителей удерживало его от этого ложного шага. Ну, а потом... Эх, молодость, молодость! Потребуем еще одну, — хорошо?

— Молодость?

— Бутылку. А это кто, в клетчатом пальто с громадными пуговицами, в рыжем парике? Ах, эксцентрик! Заметь, у них уже есть свои освященные

временем приемы, традиции и правила. Например — эксцентрик должен быть непременно в рыжем парике. Почему? Бог его знает! Но это хороший клоунский тон. Затем — появляясь на сцене, он никогда не сделает ни одного целесообразного поступка. Все его жесты и шаги должны быть явно бессмысленны, обратно пропорциональны здравому смыслу. Чем бессмысленнее — тем больший успех. Погляди: ему нужно закурить папиросу... Он берет палочку, трет ее о лысину — палочка зажигается. Он закуривает папиросу, а горящую палочку прячет в карман. Теперь ему нужно погасить папиросу. Как он это делает? Берет сифон содовой воды и пускает струю на тлеющую папиросу. Кто в действительной жизни зажигает спички о голову и гасит папиросу с помощью сифона? Он хочет расстегнуть пальто... Как он это делает? Как другие люди? Нет! Он вынимает из кармана громадные ножницы и отстригает ими пуговицы. Смешно? Ты смеешься? А знаешь, почему люди смеются, глядя на это? Психология их такова: о, Боже, как глуп этот человек, как он неуклюж!.. А вот я не такой, я умнее. Я зажгу спичку о спичечную коробку и расстегну пальто обычным способом. Тут просто звучит замаскированная молитва фарисея; благодарю тебя, Господи, что я не похож на него.

— Бог знает, что ты такое говоришь...

— Да уж верно, брат, верно. Жаль, что над этим никто не задумывается... Ну, вот посмотри: его партнер хочет его брить... Взял ведро с мыльной водой, привязал его салфеткой за горло к стулу, а потом нахлобучил ему ведро с мылом на голову и бьет, торжествуя победу, по его животу кулаками и ногами. Смешно? Публика смеется... А что если бы привести сюда старушку-мать этого рыжего с ведром на голове;

она, вероятно, и не знает, чем занимается её сын, её дитя, которого она укачивала на коленях, тихо целуя розовые пухлые губки, глядя шелковистые волосики, прижимая младенческий теплый животик к своей многолюбящей материнской груди... А теперь по этому животу какой-то зеленощекий парень молотит своими ножищами, а с пухлых губок, измазанных краской, стекает мыльная пена, а шелковистых волосиков нет — вместо них ужасные красные волосища... Каково это матери? Заплачет она и скажет: Павлик мой, Павлик... На то ли я тебя растила, холила. Дитя мое! Да что же это ты с собою сотворил такое?!

— Во-первых, — категорически заявил я, — ничто не мешает этому рыжему, если он, действительно встретит свою мать, — заняться какой-нибудь другой, более полезной деятельностью, а во-вторых — ты, кажется, выпил вина больше, чем нужно.

Приятель пожал плечами.

— Во-первых, этот парень уже ничем другим заняться не может, а во-вторых, я выпил вина не больше, а меньше, чем нужно, — в подтверждение чего могу тебе связно и толково рассказать одну действительную историю, которая подтвердит мое «я»! Во-первых.

— Пожалуй, — согласился я, — подавай свою историю.

— Эта история, — сказал он торжественно, — подтверждает, что человек, который привык стоять на голове, не может уже стоять на ногах, и человек, который избрал себе профессию лягушки, не может быть ничем другим, кроме лягушки — ни директором банка, ни мануфактурным приказчиком, ни городским деятелем по выборам... Лягушка — останется лягушкой. Ну, вот:

История итальянского слуги Джустино

Как тебе известно, а может быть, как тебе не известно, я исколесил всю Италию вдоль и поперек. Признаться тебе — я люблю ее, эту грязную, лживую надувательскую Италию. Как-то раз, шатаюсь по Флоренции, попал я во Фьезоле — этакое мирное идиллическое местечко, без трамваев, шума и грохота.

Я зашел во дворик маленького ресторанчика, присел к столику и, заказав какую-то курицу, закурил сигару.

Вечер теплый, ароматный, настроение у меня прекрасное... Хозяин терся-терся около меня, очевидно, собираясь что-то спросить и не решаясь — однако, наконец, решился и спросил:

— А что, прошу извинения — не нужен ли синьору слуга?

— Слуга? Какой слуга?

— Обыкновенный, итальянский. Синьор, видно, человек богатый, и ему, вероятно, нужно, чтобы кто-нибудь ему служил. У меня есть для синьора слуга.

— Да на кой дьявол мне слуга? — удивился я.

— Ну, как же. Разве можно жить без слуги? Всякий барин должен иметь слугу.

Признаться, мне это соображение никогда не приходило в голову.

«А ведь в самом деле, — подумал я. — Отчего бы мне и не иметь слуги? В Италии я еще проброжу долго, а человек, которому можно взвалить на шею разные мелкие хлопоты и дразги — очень бы меня облегчил...»

— Ладно, — говорю. — Покажите вашего слугу.

Привели... Парень здоровый, коренастый, с ласковой улыбкой и предобродушным выражением лица.

Потолковали мы пять минут, и в тот же вечер я увез его во Флоренцию. Со следующего дня и началась моя трагедия.

— Джустино! — сказал я утром. — Почему ты не почистил мне ботинок?

— О, синьор! Я не умею чистить ботинок, — заявил он с искренним огорчением.

— Какой же ты слуга, если не умеешь делать такого пустяка! Сегодня же возьми урок у чистильщика сапог. А сейчас свари мне кофе.

— Синьор! Осмелюсь заявить, что я не знаю, как варить кофе.

— Смеешься ты надо мной, что ли?

— О, нет, синьор... не смеюсь... — печально проворкотал он.

— Ну, а телеграмму сдать на почту ты сумеешь? Запаковать чемодан, пришить к пальто пуговицу, побрить меня, приготовить ванну — сумеешь?

И снова прозвучало грустное:

— Нет, синьор, не сумею.

Я скрестил на груди руки.

— А что же ты умеешь, скажи на милость.

— Будьте ко мне, синьор, снисходительны...

Я почти ничего не умею.

Во взоре его светилась тоска и искреннее страдание.

— Почти?! Ты говоришь «почти»... Значит, что-нибудь ты умеешь делать?

— О, синьор! Да умею — но это, к сожалению, вам не нужно.

— Да что же это такое?

— О, не спрашивайте меня... Мне даже неловко сказать...

— Почему? А вдруг это мне понадобится...

— Нет, нет. Клянусь святым Антонием — вам это никогда не понадобится...

— Черт знает что! — подумал я, опасливо на него поглядев, — может быть, он до этого был разбойником и резал в горах проезжий народ. Тогда, действительно, он прав, — это мне никогда не понадобится...

Однако милое простодушное лицо Джустино самым наглядным образом опровергало это предположение.

Я махнул рукой — сам заварил кофе, сдал на почту корреспонденцию и вечером приготовил себе ванну.

На другой день я поехал во Фьезоле и зашел в тот самый ресторанчик, хозяин которого таким подлым образом подсунил мне «слугу».

Я уселся за стол — и снова появился кланяющийся, извивающийся хозяин.

— Эй, вы, — поманил я его пальцем. — Что это за чертова слугу вы мне подсунули, а?

Он приложил руки к сердцу.

— О, синьор! Он прекрасный человек — добрый, честный и непьющий...

— Да что мне в его честности, когда он палец о палец ударить не может. Именно — не может... Не «не хочет», а «не может». Вы говорили — я господин, и мне нужно слугу; а подсунили мне господина, у которого я играю роль слуги, потому что нет такой вещи, которую бы он мог сделать.

— Простите, синьор... Он может кое-что сделать, и очень хорошо даже... Но это вам совсем не нужно.

— Что же это такое?

— Да уж я не знаю — говорить ли? Не хочется хорошего парня конфузить.

Я ударил кулаком по столу.

— Да что вы все, черт побери, — сговорились, что ли!! Он умалчивает о своей бывшей профессии, вы

тоже скрываете... Может быть, он железнодорожный вор или морской пират!!

— Сохрани Боже! Он служил по церковному делу и ничем дурным не занимался.

Криком и угрозами мне удалось вытянуть у хозяйина всю историю.

Удивительная история, глупейшая история,

Надо тебе сказать, что вся Италия от больших городов, как Рим, Венеция, Неаполь, — до самых маленьких, — живет исключительно туристами. Туристы — это та «обрабатывающая» промышленность, которой кормится вся Италия. Все направлено к уловлению туриста. Их серенады в Венеции, развалины в Риме, грязь и шум Неаполя — все это во славу форестьера, во имя его кошелька.

Каждый город, каждый квартал в городе имеет свою достопримечательность, которая за две лиры, за лиру, за мецца-лиру — показывается всякому шалому любопытствующему путешественнику.

В Вероне показывают могилу Джульетты, в соборе св. Марка место, где на коленях стоял Фридрих Барбаросса или еще кто-то... История, живопись, скульптура, архитектура — все идет в ход.

Есть в Северной Италии городишка — такой маленький, такой скверный, что его даже и на картах стыдятся указывать. Даже не городишка, а нечто вроде деревни.

И вот деревушка эта стала чахнуть. От чего может чахнуть итальянская деревушка? От бестуристыя.

Есть турист — сыты все; нет туриста — ложись и помирай.

И все население деревушки со скорбью и тоской видело, как каждый день мимо них проносились поезда, битком набитые туристским мясом; останавливались на минуту и, не выкинув ни одного англичанина или немца, — мчались дальше.

А на следующей станции половина туристов выползла с поезда и шла осматривать городок, который сумел обзавестись собственной достопримечательностью: церковью, в которой был кто-то убит или замурован, или к стене прикован; показывали и кинжал убийцы, и замурованное место, и цепи — что кому больше нравилось. А может, никого там никогда и не убивали — итальянцы большие мастера соврать, в особенности с корыстной целью.

И вот однажды разнеслась по всей округе чудесная весть: что в той деревушке, о которой я говорил раньше, после перестройки церковного купола появилось эхо, которое повторяет звук не раз и не два раза, как это иногда случается, а восемь раз.

Конечно, праздный, бездельный турист валом повалил на эту диковину...

Действительно, слух оправдался; эхо честно аккурратно повторяло каждое слово восемь раз.

И вот «эхо деревни Феличе» совершенно забило «замурованного принца городка Санта-Клара».

Двенадцать лет это продолжалось: двенадцать лет лиры и мецца-лиры лились в карман граждан деревни Феличе... И вот — на тринадцатый год (несчастливый год!) разразился страшный скандал: компания богатейших американцев с целой гирляндой разодетых дам приехала посмотреть «эхо деревни Феличе». И когда эта пышная компания вошла в скромную церковку — эхо было, очевидно, так поражено блеском и роскошью компании, что в ответ на крик одной дамы «Гудбай!» повторило это слово пятнадцать раз...

Самый главный американец сначала изумился, потом возмутился, потом расхохотался, а затем вся компания, не слушая протестов церковной администрации, бросилась отыскивать эхо... Обнаружили